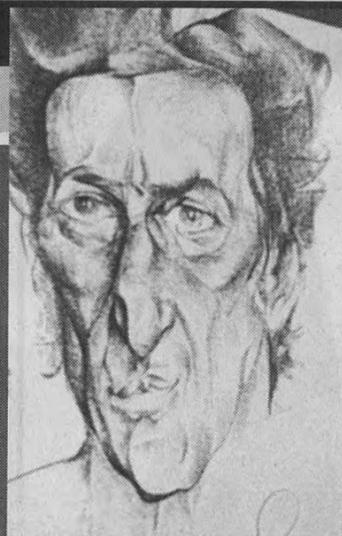
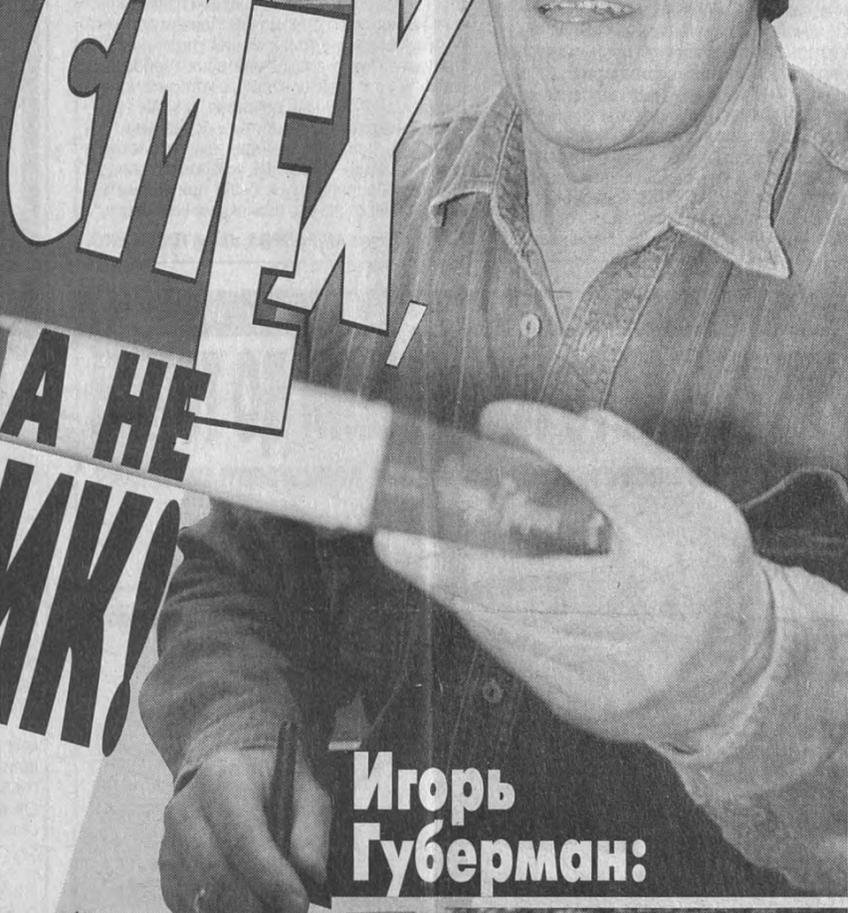

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

ГЕНАДИЙ ЧЕРСАСОВ

Игорь Губерман:

художницу, которая зашла в гости и в качестве презента принесла Игорю Мироновичу бутылку водки.

— Один. Но у меня сначала был гражданский брак, чудовищный, который кончился катастрофой. А официально — да, один раз.

— Ну тоже притирание произошло? — поэт решил проверить свою версию.

— Чудовищное. Но у всех по-разному. Есть такие счастливые касатики, что просто...

— Что просто тошно, да?

— Ну нет, нет... — барышня смутилась и замолчала.

— Игорь Миронович, а жене тяжело было вас, грубо говоря, закомутать? Обуздать, приручить?

— Но и мне было не менее тяжело — все же со своими характерами.

— Но опять-таки, судя по стихам, у вас была довольно бурная молодость.

— Я не склонен случайно человеку рассказывать детали своей молодости. Я думаю, моя молодость была молодостью обычного советского молодого человека. Молодость должна быть бурной, если не так — человека просто жаль. Надо сделать какое-то отпущенное тебе Богом количество глупостей и потом о них с наслаждением вспоминать.

— В молодости вы натворили глупостей больше, чем достаточно?

— Нет, не больше. Как раз столько, сколько нужно.

— Если говорить о пресловутых ошибках молодости, что вспоминается в первую очередь?

— Все равно все в розовом свете. И потом, у человека есть Богом данная защита, которая называется «выборочное запоминание». Стираются в памяти все подлые поступки, трусливые поступки, неразумные поступки. И, как правило, если человек в зрелом возрасте вспоминает свою молодость, он уже довольно недостоверно ее вспоминает, неадекватно.

«Не советую молодоженам в постели читать мои стихи»

— А первую любовь свою помните? Только достоверно.

— Очень хорошо помню, их было несколько.

— Как это?

— А вы знаете, первая любовь — это бесилие, дикое страдание и, в конечном счете, всегда неудача. Вот они как раз наиболее остро и запоминаются. У меня было несколько первых, потому что все они были несчастливы ужасно. И ужасно похожи. Вот, например, я был влюблен в девочку, когда учился в девятом классе. А она — в десятом, и на меня не обращала ни малейшего внимания. Потому что просто насмерть была сожжена студентом-первокурсником. Который, разумеется, был полным дерьмом по сравнению со мной. Но предпочла она его. Потом произошла точно такая же история с другой девочкой... Сейчас, задним числом (а я-то видел их потом в замужнем состоянии), думаю: какое счастье, что эти девочки не ответили мне взаимностью. Но это сейчас, а тогда я страдал безумно. Написал дикое количество километров лирических стихов о том, какие подлые женщины и какие они неотзывчивые. Потом, конечно, все эти стихи утопил в мойном ведре.

— При знакомстве читали женщинам стихи, обвлакивали их цитатами?

— Никогда! Никогда. Вот видит Бог, ни разу в жизни я не соблазнял девиц стихами... Ой, вру! Вы же, наверное, имели в виду не только мои стихи. Я читал Есенина, конечно, соблазнял. Когда-то километрами знал наизусть Есенина, Симонова, молодую Веру Инбер... Нет-нет, соблазнял стихами, совершенно точно.

— А это верный способ соблазнения, удачный?

— Не знаю. Не возьму на себя смелость рекомендовать его молодым как рецепт.

— Может, сейчас он просто не в моде?

— Как бы не так. Вы знаете, года два назад у меня была очень интересная ситуация. Я летел из Тель-Авива в Москву, и со мной рядом сидела молодая женщина. Говорит: «Игорь Миронович, я вас сразу узнала, мне было неудобно вас беспокоить. Хочу сказать, что я вам очень благодарна. Понимаете, мой молодой человек постоянно читает мне ваши стихи. Хотя я сама знаю их не меньше, но именно этим я соблазнилась и теперь очень счастлива». Где-то дня через три, сидя в редакции вместе с несколькими девушками, я похвалился этой историей. Чисто машинально. Так одна из них сказала: «Подумаешь, у меня была точно такая же ситуация в период цветов и шоколада. Он тоже мне читал ваши стихи». Спрашиваю: «Ну и что, все хорошо?» — «Нет», — отвечает, — к сожалению, он продолжал их читать и в постели». Так что это не для всех действенный рецепт.

— Если не стихами, чем же тогда добились взаимности?

— Мы все вместе пили и напропалую шутили. Вы знаете, у меня такое ощущение, что эпоха застольного остроумия закончилась где-то на этих знаменитых, ныне легендарных кухнях. Где собиралась компания, поносила советскую власть и где было безумное количество застольных остроумцев.

— Вы, конечно, были одним из первых?

— Нет, ни в коем случае.

— Игорь Миронович, вас часто спрашивают: не жалеете, что уехали из страны? Я понимаю, этот вопрос вам до смерти надоел, тем более что на самом деле из Союза выехать вас вынудили обстоятельства...

— Да нет, я и сам хотел уехать. Мы подали заявления еще в 78-м году. Просто я сел.

— Это я все понимаю. О другом хочу спросить. Знаю, вы приезжаете сюда каждый год. Какие мысли чаще посещают: «как жаль, что я не вернулся» или «как хорошо, что не вернулся»?

— Слов «как жаль» не было никогда. Я совершенно не жалею, что уехал, абсолютно счастлив в Израиле. «Какое счастье, что уехал» — бывает очень часто. Но Россию я люблю, к ней очень привязан и по-прежнему считаю ее второй родиной...

— Уже второй?

— Первая, вторая — это не важно. Обе. Нет, ну, в общем, конечно, я уже израильтянин. Когда говорю «домой» — имею в виду Израиль. Нет, о возвращении не может быть и речи, даже мысли такой не приходит. Тем более сейчас у вас так чудовищно похолодало...

— «Похолодало» — в переносном смысле?

— В переносном, естественно. Мне все время за Россию то страшно, то больно. А чаще стыдно. Сейчас стыдно.

— А знаете, как раньше говорили? Что поэты, что со своим народом, что как бы трудно ни было...

— Ну, батенька, вы же сами слышите, что сказали херню собаачью. «Поэты, со своим народом...» Нет-нет, это, батенька, вы вычитали в каком-то старом учебнике. Раскоjee глише.

— Но за эти 15 лет к вам что-то обращался с предложением вернуться?

— Да, как-то на концерте в Красноярске я получил записку следующего содержания: «Миронович, ты же русский мужик. Чего ты выеб...шься — возвращайся».

— Но это, скажем так, неофициальное предложение.

— Разные люди в разговорах спрашивали, не хочу ли я вернуться. Но я так быстро и так резко отвечал: «Ни в коем случае», — что очень скоро они перестали меня об этом спрашивать.

«Я — бытовое пьяница»

— Ваши «гарики» — некоторым образом автобиография?

— В значительной степени, конечно.

— То, что сейчас вы пишете в основном о старости, это чисто физиологическое или просто период такой? Может, пройдет время — и опять появятся «вино», «женщины»?

— А куда же он пройдет, этот период? Он не пройдет — мне 68 лет. Нет-нет-нет, я по-прежнему пишу про женщин, про вино, про любовь, про все что угодно. Но — меньше значительно, а гораздо больше, конечно, про старость, и соответственно — про Бога, про смерть. Возраст, понимаете ли.

— Что-то не больно вы похожи на старика. Прямо-таки юношеский блеск в глазах.

— Это есть, по счастью. Но это жалкие остатки по сравнению с тем, что было.

— Что же было тогда?

— Ой, было много чего.

— Если столько стихов посвящено пьянству, наверняка вы себя должны ощущать и называть...

— Да-да — пьяницей, в чистом виде. Я понимаю, что это слово, во-первых, компрометирующее, а во-вторых, немножко медицинское. Но, вы знаете, врачи делают людям на практике непьющих, алкоголиков и бытовых пьяниц. Вот именно бытовым пьяницей являюсь и я, и практически все мои друзья. Потому что, обратите внимание, очень емкое понятие: бытовые пьяницы — те, кто в быту пьют.

— Но в нашей стране, наверное, под такое емкое, как вы говорите, понятие подпадают едва ли не все.

— Я встречал непьющих: очень неприятные и подозрительные люди, вам скажу. У меня даже был такой стишок: «Ох, я боюсь людей непьющих — они опасные приятели. Они потом в небесных кушах над нами будут надзиратели». А в годы, когда я жил по-настоящему, то есть в 60—70-е, непьющий человек был еще подозрителен и тем, что мог запросто оказаться стукачом.

— Что же, все трезвенники — обязательно сволочи?

— Совсем не обязательно. У меня есть товарищ, он врач, профессор, доктор медицинских наук. Не пьет всю жизнь. Но только потому, что просто не ловит от этого кайфа. И вы знаете, мне его очень жаль — он лишен одной из граней существования.

— А по пьяному делу вообще что-то великое приходит?

— Какие-то мыслишки приходят иногда. Утром, правда, когда смотришь «по трезвянке» они оказываются чушь собаачья. Система

Матерщинник, хулиган, бабник, выпивоха и неисправимый жизнелюб. Самый веселый на свете антисоветчик, когда-то выдавший на-гора крылатое: «Вожди дороже нам вдвойне, когда они уже в стене».

Поэт Игорь Губерман, элегантные четверостишия которого — «гарики» — разошлись на цитаты по всему Союзу, в свое время над властью посмеялся всласть.

За что и получил сполна: пять лет лагерей и выдворение из страны стали достойной наградой за его свободный смех.

Теперь он смеется издали.

Игорь Губерман — израильтянин и лишь изредка наведывается в родные края. Возможно, поэтому и любим россиянами. Во всяком случае, цитировать Губермана нынче — признак хорошего тона.

оценки уже другая, впечатлительность. Да и вообще, все, что написал вечером, с утра надо обязательно проверять. Даже если писал абсолютно трезвым.

— Ну да, у вас же стих — как выверенная сжатая формула.

— Всего четыре строчки. У меня короткое дыхание и куцые мысли — на большее просто не хватает.

— Когда выпьете, на героические поступки не тянет?

— Ничего, отличающегося от трезвого поведения, во мне, пьяном, не наблюдается. Никакого особого куража и каких-то там нелепых поступков.

— Но знаете, некоторые под этим делом склонны впадать в уныние, некоторые — в агрессию. А кому-то просто весело и хорошо.

— Нет, вы знаете, я давно уже заметил, что в компаниях российских (вы наверняка это тоже знаете, несмотря на возмутительную молодость) просто более разговорчивыми люди становятся. По-моему, так вообще: общаться с человеком можно, только выпив с ним рюмку. А лучше — две или три.

«В молодости я наделал столько глупостей, сколько было нужно»

— Я знаю, вы счастливы женаты. Уже много лет...

— Да, сорок лет уже. Чудовищный срок.

— «Срок» — наверное, плохое слово?

— Да нет, ничего. У меня с ним связаны определенные ассоциации, но ничего страшного.

— Но брак — это все равно какое-то закрепощение, не правда ли?

— Да, конечно. Это добровольное взятие на себя сужения горизонта своих возможностей.

— Немного печально становится от ваших слов.

— Совсем не печально. Труден лишь переход к этому сужению. Как, знаете, повешенный: сначала дергается, а потом привыкает к удавке и висит уже спокойно. А так... Жена до сих пор любит вспомнить и укорить, что я, женившись,

по-прежнему стремился убежать в какие-то компании, с которыми привык общаться. Это не были разгульные компании, это были компании вполне высоких собеседников: писателя Славина, поэтов Френкеля, Аронова... Но я стремился убежать, не всегда зная куда жену, ей же и потому, что часть людей, не из тех, кого я сейчас назвал, ей была просто несимпатична.

— Она считала, что эти люди тянут вас в бездну пороков?

— По разным причинам несимпатична, по разным... Вот такой болезненный процесс даже не привыкания, а притирания. Мы ведь тремся гранями своих характеров. Притирание либо происходит, либо не происходит. И тогда люди разводятся... Ты сколько раз замуж выходила? — Губерман перевел взгляд на свою знакомую

Переделькино, 1976 год. Жена Тата, дочь Таня, сын Эмиль.

ИТАР-ТАСС

— Просто вас называют самым веселым антисоветчиком.

— Это херня полная. Я никогда не был антисоветчиком — просто свободный человек. Нет-нет, были потрясающие застольные остроумцы. Недавно совсем умер Саша Аронов. Огромный и недооцененный поэт. Очень ему благодарен. Мы были почти ровесниками, а я его своим учителем считал. Вот он был необыкновенным застольным остроумцем. Да многих можно назвать.

— После свадьбы женщины в ваших глазах что-то потеряли или наоборот — приобрели?

— Вы знаете, вместо ответа я могу прочитать вам один свой стишок. «Женился на красавице смиренный Божий раб. И сразу стало нравиться гораздо больше баб».

«Хер вам, суки, не дожидетесь от меня»

— Вы когда-нибудь замечали за собой, что впадаете в уныние?

— О да.

— То есть ваш оптимизм вовсе не стопроцентный?

— А я думаю, что оптимисты тоже время от времени впадают в уныние. Просто умные оптимисты это тщательно скрывают.

— Ваше уныние — оно в чем выражается?

— Да просто выпить хочется.

— Потребность, которую очень легко удовлетворить. Вслед за этим вновь наступают радужное настроение?

— Вы знаете, батенька, я не хотел бы говорить о своих физиологических особенностях. Всяко бывает в этой жизни. Я не знаю человека, у которого не наступает момент уныния. Маяковский же сказал: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп». Хотя, бывает, и полные дураки впадают в уныние. Это нормальное чередование, как день-ночь.

— Я хотел спросить про уныние, связанное, пожалуй, с самым тяжелым периодом вашей жизни — со ссылкой.

— Не было такого, наоборот — был ровный и прекрасный период. Кроме одного дня, вернее, одной ночи. Все пять лет мне было ужасно интересно: я общался с необычными людьми, в лагере написал книжку, в тюрьме — большой сборник стихов, в ссылке — еще один сборник. Нет, не было уныния.

— Но вы сказали про какую-то одну ночь...

— Да, был такой садиств — начальник отделения милиции в Дмитрове. Он наслаждался любой возможностью меня в это уныние погрузить, потому что сам погружался в дикое уныние от моей веселости. И он мне сказал, что, мол, мы сейчас вам даем пять лет по «уголовке» (у меня было фальшивое уголовное обвинение), потом — семь за самиздат, который мы у вас нашли. То есть уже двенадцать. И еще пять лет «по рогам» — невозможно жить в крупных городах Союза. И вот я ночью лег спать в камере предварительного заключения, посчитал годы — каким я выйду через это время, вот тут мною уныние и овладело. Но я покурил и уснул — на следующее утро все было в порядке. Вы знаете, на смену унынию прежде состояние приходит довольно необычными путями. Вот я могу привести пример: Юлик Даниэль, с которым я дружил и которого очень почитаю, царствие ему небесное, последний год своего заключения провел в одиночке. И однажды впал в дичайшую депрессию. Ужасное было состояние. Как-то вечером Юлик докурил последнюю сигарету (он курил тогда «Приму» — помните, эти красивые пачки), кидать пустую пачку на пол он органически не мог, даже в камере. Он плюнул на нее и прилепил к стене.

Так и заснул. А утром проснулся, и лучик солнца через решетку с такой красотой освещал эту красную пачку на фоне серой стены, что Даниэль пришел в неопишное прекрасное состояние, сказал: «Хер вам, суки, не дожидетесь вы от меня» — и вмиг стал прежним.

— Лагерь как таковой что вам дал помимо общения с интересными людьми?

— Наблюдения, которые мне показали занятными. И я, основываясь на них, написал книгу «Прогулки вокруг барака».

— Многие склонны считать, что ваше употребление матерных выражений, которых, правда, я от вас еще не слышал, тоже по большей части оттуда.

— Только одно уточнение: «неформальная лексика» — я не люблю слово «мат». Нет, я с 60-х годов стал писать стихи, и у меня всегда присутствовала неформальная лексика. В этом можно легко убедиться, прочитаю мою первую книжку «Гарики на каждый день». Она написана еще до лагеря... Да и вообще, вся эта цензура, должен вам сказать, батенька, — полная х...ня.

Дмитрий МЕЛЬМАН.